
Михаил ВИРГИНСКИЙ

* * *

гумилев живет на радищева в коммуналке
среди белых павлинов и тертых штатовских карт
в общей кухне над газом щелкает зажигалкой
не мечтая об аннах андреевнах энгельгардт

кипятит в алюминиевом корчике чай, мурлыча
про жирафа под неизысканный кухнетреп
надевая на кран пакет как велит обычай
прорывается в ванную, льет на залысый лоб

теплохладную и как всегда сообразно вере
не о вечной жизни и бранных килогрингах —
он мечтает опять о далекой звезде венере
синелиственной той что являлась ему во снах

он конечно там будет и даже еще не старым
не забыть папиросы, портреты, бельгийский ствол...
а когда он уходит являются комиссары
вероятно чтоб вынуть поэзию из него

только где им? солнце как желтый цветок мимозы
пахнет пыльным асфальтом небесная синь чиста
полотняный тент, за столиками матросы
перед каждым наган и четверть на треть пуста

николай степаныч проходит почти не глядя
деликатно уткнувшись в свой старенький хуавеи
он конечно ловец матросов но эти дяди —
как там в классике было про бисер и про свиней?

переходит дорогу на кирочной в сизой дымке
за зеленой оградой спит таврический сад
а навстречу с плюшевым гусем своим в обнимку
в пыльном хаки, обмотках и скатке идет солдат

Михаил Виргинский родился в 1981 году в Туле, живет в Санкт-Петербурге. Автор песен, стихов, рассказов, повестей, романа в жанре этнического фэнтези «Рыжая ведьма и мальчик-шаман», выпускник ЛИ им. М. Горького, член Санкт-Петербургского союза литераторов. Принимал участие во Всемирном дне поэзии (2018), ЧП им. Маяковского (2018), повесть «Язвы долины Мегиддо» опубликована в 2021 году в журнале «Искатель». Выпускает самиздатовские сборники стихов и прозы современных авторов, ведет блог о кино от Люмьеров о наших дней.

на фуражке звезда красноватый лак пообколот
не матрос и не негр, золотой лелеющий трон
но зато теперь гумилевский духовный голод
говорит что ошибки нет — это точно он

достаёт пистолет достаёт портрет самодержца
и пока порыв ещё не успел остыть
гумилев энергично подходит к красноармейцу:
— молодой человек разрешите вам подарить

оборачивает лицо глядит обалдело
но не в смысле паша, вали обратно в свой тарс
говорит: дорогой товарищ такое дело
я бы с радостью только сегодня лечу на марс

гумилев чуть не плачет обрадованный сверх меры
точно блудный трамвай въехал в земную ось
все кружится: а можно мне с вами но на венеру?
— я не знаю это как скажет товарищ лось

они долго едут в мурино красной веткой
гумилев листает рассеянно телеграм
сердце бьётся о ребра крикливым жаконей в клетке
все сбывается он воистину будет там

а потом переход неприветливый серо-грязный
спальных многоэтажек разновеликий ряд
и пустырь, а на нем сверкает яйцеобразный
серебристый в лесах космический аппарат

к аппарату идет солдат зовет инженера
поудобней гуся под мышкой переместив:
— мслав сергеич тут товарищу на венеру
очень просится в наш космический коллектив

— на венеру друг мой алеша да я не против —
инженер вылезает из люка глядит вперед
на солдата с поэтом щурясь — вот только проти-
востоянья с венерой ждать еще целый год

а потом — николай степаныч, да вы ли это —
бороздят морщины бледный высокий лоб —
в нашей глуши и вдруг увидеть поэта
как же как же сударь читал ваш огненный столп

— я польщен — говорит гумилев — ну а как с венерой?
— да для вас дорогой мой хоть на тау кита —
озорной огонек блестит в глазах инженера
— нынче вечером в шесть часов назначаю старт

— обниму вас!
— пустое, пойду изменю программу —
закурив папиросу, сизый пускает клуб
а счастливый поэт пишет в вотсап мандельштаму
how are you любезный мой дружок златозуб

я лечу на венеру с двумя чудесными господами
если ты подумал в кронштадт, то не беспокойся
большая просьба ключ попроси у ани —
в данном случае даже без разницы у какой

у меня в столе фотографии самодержца
пистолетов бельгийских вполне приличных на вид
штук двенадцать ты ведь знаешь что с этим делать
будь здоров златозуб прощай, акмеизм победит

новый чат открывает с волнением пишет — аня
не сердись колдунья-певунья прости за то
что опять предстоит нам недолгое расставанье
я лечу на венеру это в космосе если что

никакой политики все вполне адекватно
женщин тоже не будет так что пожалуйста не ревнуй
я всего лишь одним глазком туда и обратно
не сучай и левушку с леночкой поцелуй

а наутро к анне андревне в кожаных ризах
комиссары входят как буки из детских снов
вопрошает главный скрипучий голос возвысив:
— где ваш муж контрреволюционный поэт гумилев?

заложив ляссе сладострастие д'аннунцио
смотрит на них, сжимает книгу в руке:
— он улетел но обещал вернуться
господа прошу не стойте на сквозняке

* * *

внутри тебя прорастает космос
необозримый, бархатно-синий
и белый шум и желтые звезды
цветут ромашками среди пустыни

в твоей груди он пускает корни
ты тайнозрителен как леонов
и шепчет жизнь, покидая зерна:
нет ни востоков ни аполлонов

ракет-носителей и ступеней...
лети и даже скафандр не нужен
лишь не позволяй сорнякам сомнений
твой сад космический обнаружить

внутри тебя рукава галактик
сверкают запонками сверхновых
ты сам и шива себе и шакти,
ты сам начало себе и слово

* * *

в городе питере нынче джазово
сеется с неба седая хмарь
а ты зажигаешь последний газовый
где-то в конце одесской фонарь

в свете безжалостно-электрическом
кокаинеток лики бледней
бьются в конвульсиях спиритических
тени давно почивших царей

златошитье декадентской лирики,
фраки, кресты, жемчуга, атлас...
льются проклятья и панегирики —
царствуй на славу нам, грезофарс!

правда окопная наверх просится
к лавкам змеятся хвосты окрест
только вот все веселей разносится
в смольном от звонницы благовест

в городе питере нынче джазово
в поезде пьет до Дна государь...
а ты зажигаешь последний газовый
где-то в конце одесской фонарь

* * *

а в прошлой жизни бриллианты были инеем на ветвях —
висели и делали мир волшебной сказкою роу
ты все уже понимаешь, но сердце сжимает страх —
бесцветный и плоский как шутка из старого телешоу

а в прошлой жизни бриллианты не знали ни люси ни мэрилин
и не было стекол, чтоб увидеть новое в старом
пускай обрушатся стены, зато устоит берлин,
чтоб ты не сошла с ума на почве божьего дара

а в прошлой жизни ты видно была камнем чистой воды
из самого редкого и сокровенного кимберлита
ты просто смотришь вперед и больше не ждешь беды,
поскольку под солнцем никто не забыт, ничто не забыто

а в жизни грядущей мы будем с тобою... et cetera —
куда-нибудь течь будто глубокие синие реки
а холод и боль — это то, что было вчера
а солнце и радость — сегодня, всегда и вовеки

* * *

радуйся дево радуйся днесь
что прозябать в кручине?
слышишь ли с неба благую весть —
весть о твоём сыне?

гордой главою вознесся храм
выше высотных зданий
ну а на самой маковке там —
символ его страданий

был он чудака волосат и бос
храм призывал разрушить,
но вместо этого храм пророс
сам сквозь его душу

urbi et orbi порядок прост
хоть и кажется вздорным
вечный жребий всех суперзвезд —
памятник рукотворный

может предвидя такой финал
и не желал бы выпить
чаши, но храмом и римом стал
твой шепотной хиппи

и ничего, что за благовестом
не услышать набата...
радуйся дево ты в храме том
только одна из статуй

* * *

искусство пить вино
в заплыванном колодце
знакомо нам с тобой
верней, чем дважды два...
квадратна здесь лазурь
и так легко смеется
и звуки так легко
слагаются в слова

здесь время как песок
струит простые числа,
которые не нам
с тобою наблюдать...
за желтой краской стен,
за шелухой смыслов
сквозь изумруд стекла
мы видим благодать

а местный фордевинд
то нежный, то свирепый
восторженно пасет
отары облаков...
мы дети чунга-чанг,
а значит наша скрепа
легко и просто жить
до доньшка веков

а все вокруг цветет,
резвится и играет,
несет куда-то жизнь
прищурившись хитро
двоих, избравших днесь
колодец этот раем...
вот только бы господь
не уронил ведро!

* * *

две недели лил дождь ну а после устал,
будто яхве нажал отмену потопа
и опять уже солнце — волшебный кристалл
путешествует по небесам автостопом

патриарх разобрал свой ковчег на дрова
и наделал из них собак и лошадок
солнце тихо плетет сквозь листву кружева
и сиреневый воздух так мускусно-сладок

патриарх веселится и пьет арарат
как ему завещал тот голос небесный
собирайся, родная, посмотрим закат:
ничего нет важней в этот вечер воскресный

мы пришли в этот солнечный город и мир —
два таких озорных блаженных незнайки
нас конечно спасут саперави и сыр
и тягучие ритмы свободной ямайки

три недели лил дождь ну а после устал
где победа его и где его жало?
багровеет закат как горячий металл,
чтобы мы не посмели гореть вполнакала